

Пока Москва пыжится, Прага поет и танцует

Вот и весь симфонический оркестр «Ипсилонки»

Чешский театр-студия «Ипсилон» сегодня, в понедельник, еще раз покажет свою легкую версию «Проданной невесты» Бедржиха Сметаны.

■ Наталья ЗИМЯНИНА

Не любят нас чехи. Если вспомнить — есть за что. Не хотят к нам ездить. А тут такой сюрприз — знаменитая пражская «Ипсилонка» по инициативе Олега Табакова, руководителя знаменитой московской «Табакерки», привезла ни много ни мало «Проданную невесту», да еще

Вечерняя Москва. — 2003. 6 сент. — С. 6

250-й, юбилейный спектакль.

Чисто поющие драматические актеры, точно, в охотку, до гротеска (в отличие от чванливых оперных певцов) рисующие своих персонажей, не слишком надрывааясь на верхнем «до» — просто санаторий для критика, замученного динозаврами-операми в академическом исполнении (только в «Геликоне» и отведаешь душу!).

«Ипсилонка» вспомнила, что Сметана-то сначала писал оперетку, которая потом приросла разговорными диалогами. А через 6 лет, к 1870 году созрела в полноценную оперу, премьеру которой в один год сыграли и в

Праге, и, между прочим, в Марининке.

Режиссер (и основатель «Ипсилонки») Ян Шмид «забыл», что «Проданная невеста» — священная корова. И залудил нечто народное, капустное, с примочками и глуховатым «композитором Сметаной» урюля. В оркестре — по инструменту от каждой группы. Время от времени по сцене проносится черт-кларнетист. Еник поет знаменитую арию под бардовскую гитару. Секстет идет под виолончель соло. Знаменитая полька — будто в какой-то пейзажной деревне — под фортепиано, флейту и кларнет. Скрипка вдруг превращается в банджо,

а сметановский хор — соответственно в ковбойский.

Недаром пословица есть: что ни чех — то музыкант. В Чехии поют городами. И это музицирование непоставленными голосами поднимает цивилизацию выше, чем три тенора на стадионе.

Пока Москва до одури спорит, у кого из продюсеров настоящий мюзикл, а у кого — липовый, чехи тихо привозят, можно сказать, свой лучший народный мюзикл. И показывают свободу в своих самых глубоких традициях. Как-то даже неудобно пыжиться после этого с разными «Чикаго» или «Нотр-Дамами». Исключительный музыкальный вкус, театральная легкость, самоирония — и живой, бьющий словно горячий карловарский ключ, язык, пересыпаемый пословицами вроде «Каков поросенок — так и визжит; каков народ — таков и обычай». И в музыке так естественно где-то скачнато выскочит, где фуриант пройдет — это танцы у чехов так колоритно называются. И если где-то хотят хлеба и зрелищ, то чехи — любви и пива, о чем говорить и петь никогда не стеснялись.

Сыгранный в театре «Эрмитаж» спектакль, конечно, привлёк в зал и Михаила Левитина, и Марка Розовского, и Олега Табакова. Все трое — фанаты чешского театра. Немало оттуда заимствовали — кто по форме, кто по духу.

В финале, когда после поклонов начались букеты, речи и братание, Табаков, молодец, все-таки ввернул: «Я постараюсь открыть Тверскую-Ямскую для ваших танков!»

Может быть, следующий чешский театр не надо будет на Москву полтора года уговаривать, как этот?